

СРЕДА ОБИТАНИЯ

ОСМЫСЛЕНИЕ НООСФЕРЫ

УДК 911.3
ББК 26.8

М.В. Рагулина

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА: ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

С точки зрения интегральной теории рассматриваются особенности становления морфологического подхода в исследовании культурного ландшафта, его возможности и место в современной науке.

Ключевые слова:

географическая традиция, интегральная теория, культурная география, культурный ландшафт, морфологический подход.

Культурный ландшафт – одна из приоритетных тем мировой культурной географии, его исследованием занимается ряд крупных национальных научных школ и центров, а библиография по теме исчисляется десятками тысяч наименований. В настоящее время в западной науке преобладают, а в российской – появляются трактовки культурного ландшафта как выражения интересов элит, воплощения ценностей и мировоззрений различных групп общества [3; 9; 10; 25; 28]. Дискурс-анализ, «прочтение» ландшафтного текста, деконструкция его символов и значений, полистилистика – основные исследовательские доминанты постмодернистской географии. Тем не менее, с момента становления культурно – ландшафтного направления и по сей день в его пределах существует сильное морфологическое течение. Оно изучает материальную сторону культурного ландшафта – сочетание природных и культурных компонентов, пространственный рисунок объектов и их взаимоотношения.

Западная географическая наука в течение XX в. пережила несколько «революций»: пространственную, в версии Р. Хартшорна, с полным отрицанием термина «ландшафт» [22], количественную [23], субъективную [16], радикальную [8], постмодернистский «культурный поворот» [11]. Они отражали не только веяния научной моды, но и важные закономерности развития науки и общества, смещая исследовательские приоритеты и расставляя

новые акценты. В то же время «старая» морфологическая традиция не исчерпала себя, а продолжала развиваться, впитывая одни новинки и дистанцируясь от других. Поэтому логично предположить, что существуют «вечные», неподвластные моде вопросы, на которые эта традиция дает ответы.

Цель статьи – определить место морфологического подхода в ряду остальных направлений исследования культурного ландшафта, проследить его приоритеты, ограничения и факторы формирования. Осуществить это помогает интегральная теория К. Уилбера [31]. Она вызывает заинтересованный отклик в научном сообществе: несмотря на дискуссионность и существующую критику, ее популярность и количество работ, включая публикации по экологии, географии, территориальному планированию, проблемам города и устойчивому развитию, стремительно растут [12; 18; 19; 20]. По нашему мнению, теория имеет большой потенциал синтеза гуманитарно- и естественно- географических течений, который нуждается в дальнейшей разработке. Мы утверждаем, что подход позволяет локализовать сферы приложения и возможности морфологии культурного ландшафта, выстроить каналы коммуникации между разными научными направлениями.

Формы и функции ландшафта в национальных научных школах. В самом общем виде классический морфологический подход предполагал три шага: разделение

целостного культурного ландшафта на части, их аналитику и финальную «сборку» исследователем, который в результате данной индуктивной процедуры переходит на новый уровень знаний [27]. Он ориентирован на изучение развития, выделенные компоненты, формы и факторы анализируются в динамике. В большинстве работ сборника материалов XIX Международного географического конгресса «Морфогенез аграрных культурных ландшафтов» в 1961 г. [24] доминировал анализ и упорядочивание отдельных признаков, а затем уже выявление историко-географической периодизации культурных ландшафтов. Этот прием был применен в исследовании изменений английского ландшафта, где процессы природного и антропогенного характера – восстановление степной растительности, организация парков, рост городов, развитие промышленности и осушение болот – рассматривались по отдельности, чтобы в финале представить ареальную динамику в течение нескольких столетий [17]. Более скромный характер североамериканского вклада в морфогенетические исследования по сравнению с европейским Х. Принс [26, с.18] объясняет последствиями критики ландшафтной концепции школой Р. Хартшорна.

Принимая в расчет то, что один ареал осваивается несколькими сообществами, англоязычные представители морфологических школ ориентируются на поиск множества «слов» освоения, соответствующих временным срезам. Каждый слой содержит свои символы, ценности и смыслы. Подобрать «ключ» (код) к этим смыслам, ученый, стремясь реконструировать культурный ландшафт. Препятствие на этом пути – «прорастание» каждого слоя в соседний, его подвижность и зависимость от познающего субъекта. В итоге морфогенетической реконструкции получается «сплав» слоев, где метод «подбора ключей» не работает, а выявить можно лишь отдельные фрагменты.

Германоязычная ландшафтная школа подошла с другой стороны, фокусируясь на системных аспектах расселения, культуры и хозяйства. Теоретическим основанием стал эволюционный вектор, где морфологический подход как стадия развития географических идей предшествовал функциональному, а тот в свою очередь – структурному. Ф. Шафер, (а впоследствии и К. Руперт) предложили выделить основные потребности (труд, жилье, пропитание, образование, здоровье, транспорт, жизнь в сообществе) и попытаться для

каждой найти свое пространство [29]. Эти функциональные зоны, проекции потребностей, составляют, по замыслу исследователей, культурный ландшафт. Второй вариант немецкого морфологического подхода представлен работами В. Хартке, который стремился выделить социальные группы, «производящие» ландшафт. Морфофункциональное деление культурного ландшафта объясняется через цели и ценности пространственно локализованных групп [21]. Но каждое место откликается на множество функциональных запросов, выражает множество ценностей и в результате построение стабильных схем трудно достижимо.

И англо-, и германоязычная версии морфологии культурного ландшафта нацелены на выявление объективных признаков согласованности природных и социальных явлений, их анализ, фиксацию и классификацию. Как отмечал Д. Косгроу, морфологический анализ ландшафта «работает» на поверхностном уровне значности, но субъективные подходы, обеспечивающие его целостность, могут органично дополнять объективную составляющую [15, с. 16].

Сторонники пространственно-аналитической географии критикуют морфологическую ландшафтную школу за расплывчатость и нечеткость, а гуманитарии – за сухость и формализованность построений. В итоге, критика стимулировала расширение проблемного поля и большую проницаемость его границ: к рубежу XX столетия морфологические исследования культурного ландшафта имели выраженные векторы взаимодействия с ведущими мировоззренческими парадигмами географии. Неомарксистские и постколониальные подходы сходны с немецким функционализмом в том, что исследователь задается вопросом, чью версию истории (доминантных либо репрессированных сообществ, классов, меньшинства или большинства) представляют данные ландшафтные формы. Гуманистическая и постмодернистская география ввела в морфологические исследования субъекта с его ментальными репрезентациями и конструкцией ландшафта как обитаемого мира. Тем не менее, сердцевина подхода – объектные и интеробъектные конфигурации культурного ландшафта – остается неизменной.

Морфологический подход в интегральном исследовании культурного ландшафта. Интегральное исследование культурного ландшафта опирается на теорию К. Уилбера [31–33], который предложил

специфицировать области исследования любого феномена или процесса с помощью четырех квадрантов. Квадранты делятся на внутренние, внешние, индивидуальные и коллективные. Согласно интегральному подходу, каждое событие в мире имеет эти четыре измерения, которые отражают, как его переживает личность (верхний левый квадрант, «Я»- размерность), как его интерпретирует группа (нижний левый, «Мы»), что данное событие представляет с точки зрения объективных фактов (верхний правый, «Оно»), чем является в свете системных взаимосвязей (нижний правый, «Они»). (табл.1).

Культурный ландшафт, как феномен, сочетающий проявления природы, культуры, социума и личностного сознания, «распределен» соответственно квадрантам. Это подразумевает согласование, общение и координацию направлений исследования, где в каждом квадранте решаются только ему присущие задачи. Следовательно, лишается смысла спор о том, какой подход предпочтительнее: каждый из них незаменим в своем исследовательском контексте.

Все квадранты находятся в непрерывном взаимодействии, «тетраэволюционируют», в терминах К. Уилбера. Так, культурный ландшафт как система (нижний правый, «Они») охватывает взаимодействие и функции культурного и природного каркаса, пространственное выражение систем материального производства, социальной стратификации, власти. Все это влияет на ценностную сферу, вносит вклад в строительство модели культурно-территориальной идентичности группы, формирование ландшафтного дискурса и «текста» (нижний левый, «Мы»). Групповая идентичность и ландшафтный дискурс – основа социализации личности, становления ее жизненного мира, восприятия географической реальности, что проявляется в верхнем левом квадранте «Я». В свою очередь, специфика объектов, их локализация, динамика (верхний правый, «Оно») отражают, и до определенной степени влияют на социальные и культурные грани культурного ландшафта. Эти отношения взаимозависимости проявляются в том, что каждое культурное событие имеет свой коррелят в сознании и опыте личности, социальной и системной структуре и предметной среде.

Объектные (и морфологические в том числе) подходы располагаются в правых секторах табл. 1, отвечая задачам исследования материальной составляющей культурного ландшафта. Морфологический подход

к ландшафту предусматривает анализ распределения артефактов, объектов антропогенного и природного происхождения в пределах территориального выдела. Это могут быть архитектурные сооружения, инфраструктура, природные элементы и т.д. Морфологический подход ориентирован на отслеживание результатов совместной работы природных, социальных и культурных сил, формирующих материальность ландшафта. При этом сами социальные и культурные акторы, также как и движущие силы трансформации природной среды остаются за его рамками. Таким образом, ландшафт изучается как среда жизни различных социумов и субкультур.

Их развитие демонстрирует траекторию от наполнения пространства природного ландшафта-вместилища культурными артефактами к учету результатов деятельности возрастающего числа агентов изменений облика земной поверхности и сложным отношениям между ними. Тренд увеличения системных акцентов – характерная черта развития морфологического подхода, который в дополнение к вопросам объектного сектора включает интеробъектные грани культурного ландшафта.

Следующая закономерность – «гуманизация» объективных исследований в морфологическом ракурсе – может быть интерпретирована с учетом двух позиций исследования. В интегральной теории, как и в теории культурного ландшафта, существует разграничение участвующего (в терминах Д. Косгроу [15], точка зрения «Посвященного») и дистанцированного (точка зрения «Наблюдателя») исследований. Каждое из них, по сути, имеет дело с разными ландшафтами и затрагивает свой круг вопросов. Введение двух названных позиций в схему квадрантного распределения ландшафта порождает восемь методологически различных «зон» его исследования. Интересы данной работы касаются двух квадрантов и четырех «зон» (Табл. 2).

Участвующее исследование предполагает вовлечение личного опыта как ученого, так и изучаемых им людей. Это еще одна линия гуманизации, объясняющая включение «нематериальных» аспектов в научный ландшафтный дискурс.

С точки зрения интегральной теории, суперорганическая трактовка относительно жестко локализует культуру в интерсубъективном квадранте «Мы», а эпифеноменальная – в интеробъективном «Они». Проблемы с интерпретацией культурно-ландшафтной морфологии возникают из-за того, что упускается «тетраэволюция»

**Квадрантное «распределение» научных направлений
исследования культурного ландшафта**

	Внутренние (левые)	Внешние (правые)
Индивидуальные	<p>Субъективный «Я» Домен: Сознание Сфера приложения: субъективное осознание культурного ландшафта Направления: Гуманистическая география География жизненного мира Экзистенциальный ландшафт Геософия Перцепционные исследования культурного ландшафта Архетипическая география География и психоанализ Гештальтгеография</p>	<p>Объективный «ОНО» Домен: Природа Сфера приложения: культурный ландшафт как материальный объект, его «поведение» (морфология, динамика). Направления: Классические традиции культурландшафтных исследований: немецкая, французская, русская школы Школа ландшафтных исследований в Беркли (США) Британское историко-генетическое ландшафтоведение</p>
Коллективные	<p>Интерсубъективный «Мы» Домен: Культура Сфера приложения: культурный ландшафт - разделяемая группой реальность и конструкт Направления: Феноменология и герменевтика ландшафта Постструктурализм Дискурсивные исследования Конструктивизм Постмодернистская география Иконография ландшафта</p>	<p>Интеробъективный «ОНИ» Домен: Природа и системы Сфера приложения: культурный ландшафт - система в сети других систем. Направления: Марксистские подходы к культурному ландшафту Социогеосистемный анализ Пространственный анализ ландшафтных систем Теория структуризации Постколониализм Географический ситуационизм</p>

четырёх квадрантов, и барьеры между ними становятся непроницаемыми.

Естественное стремление к восстановлению баланса связано с логикой прогресса научного и философского знания. Отказ от включения социальной теории в методологию западной культурной географии в 1970-80-х гг. способствовал созданию «радикальной географии», основанной на неомарксистской интерпретации общества [14]. Внимание к личности и ее жизненному миру стимулировало появление гуманистического подхода [13; 30]. Морфологические исследования культурного ландшафта были дополнены фиксацией пространственных форм расового, гендерного, экономического неравенства и личными ментальными картами, репрезентирующими повседневный опыт взаимоотношения человека и ландшафта.

В России «культурно-ландшафтный ренессанс» стартовал сразу после объявления «Перестройки». К 1990-м гг., после отказа от марксистской теории как единственно правильной, параллельно с расширением

смыслового поля культуры, развиваются школы исследования культурного ландшафта. И если Запад «впитывает» гуманизм и марксизм, то отечественные исследования, в первую очередь, восполняют недостаток собственно культурных подходов. Этнокультурное ландшафтоведение, традиции локальных сообществ [6], информационные аспекты и проблемы исторической памяти [1; 2], становятся важными исследовательскими темами. Элементы «участвующего» исследования отражены в работе В.Н. Калущкова [7]. В.Л.Каганскому [4; 5] удалось состыковать пространство природного ландшафта со смысловым, политико-статусным и образным пространством культуры на базе морфологических идей. Традиционная для российской географии ориентация на сайентизм создает благоприятные условия для старта морфологических изысканий, но для того, чтобы быть в состоянии решать проблемы современности, они должны постоянно подпитываться субъектными, интересными и системными идеями.

**Четыре сферы объектных
и интеробъектных исследований
в культурном ландшафтоведении**

КВАДРАНТ	Позиция исследователя	
	ИЗНУТРИ «Посвященное» Участвующее исследование	СНАРУЖИ «Наблюдатель» Дистанцированное исследование
Верхний правый	Ландшафт как практическое воплощение личностных цен- ностей	Объекты, компо- ненты и акторы ландшафта, их поведение и морфо- логия локусов
Нижний правый	Переживание роли ландшафта – сети систем в жизни людей и природы. Функ- ции ландшафтов повседневности в опыте человека	Как системы «рабо- тают» в ландшафте, как функциониру- ют их механизмы? Картографирова- ние, фиксация и параметризация систем культурного ландшафта

Морфологический подход к культурному ландшафту – необходимая часть его исследования, основа, на которую накладываются опыт личности, культурные и социальные практики, работа систем. Морфологические паттерны ландшафта складываются под влиянием комплекса факторов, которые коррелируют со стадиями развития социума, культуры и общества.

Четыре квадранта интегрального подхода описывают четыре «языка», на которых «говорит» ландшафт. Морфология культурного ландшафта – преимущественно язык верхнего правого, объектного сектора. Здесь можно получить информацию

о функциональном зонировании, облике, структуре, «рисунке». Но такая информация не дает целостной картины жизни ландшафта, она нуждается в дополнении пространственных структур культурными значениями, пониманием работы социальных и экономических систем, и, наконец, индивидуальным восприятием и личностным опытом проживания ландшафта.

Роль морфологического подхода и его сила в том, что он:

– позволяет выявить, зафиксировать специфику и рисунок материального облика ландшафта, создать (описать) его пространственный «портрет». Точное, максимально безоценочное воспроизведение существенных черт ландшафтов позволяет выйти на повторяющиеся паттерны и рефрены. Идеал позитивистской географии – свобода от личностных оценок и стремление к научной объективности, конечно же, не может быть достигнут в полной мере, но морфология предполагает сциентистскую доминанту, говоря на языке «ОНО». Это необходимая стартовая позиция любого ландшафтного исследования.

– создает предпосылки «наполнения» полученного каркаса системными взаимосвязями, групповыми культурными значениями, личностными смыслами, что позволит интерпретировать и понять ландшафт как живую целостность, «сфотографированную» морфологическим подходом в один из многих моментов бытия.

Серия таких «моментальных снимков», где на фоне материальной среды разворачиваются «Я», «МЫ», «ОНИ» – домены ландшафтных смыслов, феноменов и процессов, дает траекторию развития культурного ландшафта, как эволюционирующей целостности.

Список литературы:

- [1] Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. «География». – 1990, № 5. – С. 5–17.
- [2] Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. «География». – 2001, № 1. – С. 7–14.
- [3] Каганский В. А. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. – 2009, № 1. – С. 62–70.
- [4] Каганский В.А. Национальная модель культурного ландшафта // Гуманитарная география. Вып.б. – М.: Институт Наследия, 2010. – С. 293–296.
- [5] Каганский В.А. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры. – 2011, № 4 (5). – С. 26–40.
- [6] Калущков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования / Семинар «Культурный ландшафт»: второй тем. вып. докл. – М.– Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 6–13.
- [7] Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.
- [8] Николаенко Д.В. Гуманистическая география Запада: критический анализ: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – Л.: ЛГУ, 1983.
- [9] Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. – Иркутск Изд-во Института географии им. В.Б.Сочавы СО РАН, 2005. – 173 с.

- [10] Antrop M. From holistic landscape synthesis to transdisciplinary landscape management // From landscape research to landscape planning: aspects of integration, education and application. – New York: Springer, 2005. – P. 27–50.
- [11] Barnes T.J. Rethorising economic geography: from the Quantitative revolution to the “Cultural turn” // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 91. – 2000, № 3. – P. 546–565.
- [12] Brown B. Theory and Practice of Integral Sustainable Development. An Overview, part 2: Values, Developmental Levels and Natural Design // AQAL Journal. Vol. 1. – 2005, № 1, № 2.
- [13] Buttimer A. Grasping the dynamism of life world // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 66. – 1976, № 3. – P. 277–292.
- [14] Cosgrove D. Towards a radical cultural geography: problems of theory // Antipode. Vol. 15. – 1983, № 1. – P. 1–11.
- [15] Cosgrove D. Social formation and Symbolic Landscape (2 -nd edition). – Madison: Wisconsin Univ. Press, 1998.
- [16] Cunningham F. The revolution in landscape science // Geographical Series. – Vancouver, 1977, № 25.
- [17] Darby H. C. The changing English landscape // Geographical Journal. – 1951, vol. 117. – P. 377–398.
- [18] Eddy B. G. Integral Geography: Space, Place, and Perspective // World Futures. Vol. 61, – 2005, № 1–2. – P. 151–163.
- [19] Esbjörn-Hargens S. Zimmerman M. Integral Ecology: Uniting Multiple Perspectives on the Natural World. – New York: Random House / Integral Books, 2009.
- [20] Hamilton M. Integral City: Evolutionary Intelligences for the Human Hive. – BC: New Society Publishers, 2008. – 352 p.
- [21] Hartke W. Die sozialbrache als Phänomen der Geographischen Differenzierung der Landschaft // Erdkunde. – 1956, Bd. X. H.4. – S. 257–269.
- [22] Hartshorne R. The nature of geography – a critical survey of current thought in the light of the past // Association of American Geographers, Pennsylvania. – 1939.
- [23] McGowin D. Cultural Landscape / Encyclopedia of Geography. – London: Sage Publications, 2010. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.sage-ereference.com/geography/Article_n243.html (05.04.2011)
- [24] Morphogenesis of the Agrarian cultural landscape // Papers of the Vadstena Symposium at the XIXth International Geographical Congress / Geografisker Annaler. – Vol. 43. – 382 p.
- [25] Muir R. Approaches to Landscape. – London: MacMillan Press, 1999.
- [26] Prince H. Real, imagined and abstract worlds of the past // Progress in Geography. International reviews of current research. Vol.3. – London: Edvard Arnold, 1971. – P. 1–86.
- [27] Sauer K.O. The morphology of landscape // University California Publ.: Geography. – 1925, № 2. – P. 19–53. – Reprinted in: Human geography. An essential anthology. – Oxford: Blackwell publishing, 1996. – P. 296–315.
- [28] Schein R.H. The Place of Landscape: A Conceptual Framework for Interpreting an American Scene // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 87. – 1997, № 4. – P. 660–680.
- [29] Thomale E. Sozialgeographie. Eine disziplingeschichtliche Untersuchung zur Entwicklung der Antropogeographie / Marburger Geographische Schriften, Helf 53. – Marburg: Lann, 1972.
- [30] Tuan Y-Fu. Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 66. – 1976, № 3. – P. 266–276.
- [31] Wilber K. A Brief History of Everything. – Boston and London: Shambhala, 1996.
- [32] Wilber K. Integral Psychology: Consciousness, Spirit, Psychology, Therapy. – Boston : London: Shambhala, 2000.
- [33] Wilber, K. Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL // AQAL Journal. Vol. 1. – 2006, № 1.